

ОНТОЛОГИЯ: БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

А.С. Ветушинский

НА ПУТИ К СИММЕТРИИ: КАК ОНТОЛОГИЯ СТАЛА ПЛОСКОЙ

Аннотация. В настоящей статье автор обращается к новым онтологиям, получившим название «плоских» (flat). Именно такими являются онтологии Латура, ДеЛанда, Хармана, Ло, Мол, Богоста, Брайнта и Мортон. Однако, как считает автор, дело не просто в том, чтобы описать особенности этого нового типа онтологий (что уже не раз было сделано самими их представителями), но в том, чтобы показать, как и почему не-плоская онтология превратилась в плоскую, т.е. показать, как плоская онтология вписана в обще-философский контекст. Для того чтобы сделать это, автор предлагает рассматривать плоскую онтологию как один из четырёх базовых онтологических схематизмов, являющихся четырьмя различными версиями ответа на вопрос «что есть?». В итоге, автор обнаруживает, что плоская онтология возникла за счёт отказа от тех допущений, которые лежали в основе первых трёх онтологических схематизмов (парменидовского восхождения, демокритовского нисхождения и кантовской середины, из которой полагается вверх и низ). Все эти схематизмы, как показывает автор, исходили из так или иначе понятой вертикали. Отказ от неё и стал причиной того, что в новой онтологии осталась только горизонталь.

Ключевые слова: бытие, корреляционизм, спекулятивный реализм, объектно-ориентированная онтология, плоская онтология, онтология, сущее, объект, симметрия, асимметрия.

Abstract. The author refers to the new ontologies that attained the name of “flat”, among which are the ontologies of Latur, Deslandes, Harman, Bogost, Bryant, Morton, and others. However, the author believes that it is not enough to just describe the peculiarities of this new type on ontologies (which have already been done by the representatives themselves), but also demonstrate why and in what ways the non-flat ontology transformed into the flat, in other words, how the flat ontology fits the general philosophical context. The author suggest examining the flat ontology as one of the four basic ontological schematisms, which are the four different versions of the answer to the question “what is?” As a result, the author determines that the flat ontology emerged due to the denial of the assumptions that lie in the foundation of the three ontological schematisms (Parmenidean, ascent, Democritus’ descent, Kant’s medium that sets up and down). As demonstrated by the author, all of these schematisms originated from the clear in one or another way vertical. The refusal of it became the cause that the new ontology holds just the horizontal.

Key words: object, beings, being, correlationism, speculative realism, object-oriented ontology, flat ontology, ontology, symmetry, asymmetry.

Введение

В современной философии наблюдается тенденция к построению нового типа онтологий. Об их особенности заявляется в самом названии – *плоские* (flat). Впервые таким образом об онтологии заговорил Мануэль ДеЛанда [1, р. 47]. Однако действительно заметными в современной философии плоские онтологии стали благодаря Грэму Харману, одному из родоначальников спекулятивного реализма [2], создателю «плоской» объектно-ориентированной философии [3]. Кроме того, именно благодаря Харману основным предшественником плоских онтологий стал вовсе не ДеЛанда (или его вдохновитель Делёз), но Латур, философия кото-

рого, как это показывает Харман [4], всегда как раз и являлась «плоской». В этом смысле сегодня плоские онтологии могут быть обнаружены не только у ДеЛанда и Хармана, но и у Латура [5], его последователей (например, у Джона Ло [6] или Аннемари Мол [7]), а также у других современных мыслителей, отталкивающихся от Хармана, но предлагающих уже свои собственные «плоские» философские проекты (среди них, к примеру, Ян Богост [8], Леви Брайнт [9] и Тимоти Мортон [10]).

Но вот в чём проблема: читая работы вышеназванных авторов, не всегда удаётся отчётливо разобраться, в чём же всё-таки преимущество плоских онтологий по отношению к другим – не-плоским – онтологиям. Эта непрояснённость, в итоге, может

даже привести к подозрению, будто причина этого перехода вообще не философская, что, мол, просто ряд философов устал работать каким-то определённым образом и решил попробовать работать иначе (вдруг из этого что-то получится).

Мы считаем, что у такой позиции имеется серьёзный недостаток: ведь в таком случае плоскими онтологиями можно просто пренебречь, т.е. и дальше работать, никак на них не реагируя и в принципе их не замечая. Мы же стремимся к другому: мы хотим разобраться, что же это всё-таки за онтологии и из-за чего они возникли. В этом смысле в настоящей статье мы постараемся показать, как и почему онтология стала плоской и какие у этого перехода имеются основания.

Три классических онтологических схематизма

В наиболее общем виде онтология может быть рассмотрена как философская дисциплина, отвечающая на вопрос «что есть?». При этом нельзя забывать, что сам по себе этот вопрос ещё не является философским. И действительно, стол, стул, потолок, человек, микроб, число три – всё это есть. Но в одинаковом ли смысле? Таким образом, философским этот вопрос становится лишь включая следующее дополнение: «что есть *в подлинном смысле этого слова*»? И вот здесь как раз и выясняется, что многое из того, что, как нам кажется, есть, в подлинном смысле не есть вовсе. Т.е. оно как бы и есть, но не по-настоящему, не на самом деле.

Именно поэтому вопрос «что есть?» так важен для философии. Ведь именно ответ на него позволяет философам провести границу между подлинным и неподлинным, отделить одно от другого. И хотя этот ответ может быть самым разным (в истории философии мы можем обнаружить множество его вариантов), мы считаем, что существует ровно четыре основных типа ответов на него. При этом каждый из этих типов предполагает свой собственный онтологический схематизм. Первые три схематизма – классические. Четвёртый – современный, плоский. Но прежде чем мы перейдём к четвёртому схематизму, рассмотрим подробнее первые три.

Первый тип ответа – парменидовский. Согласно этому типу, в подлинном смысле есть лишь само бытие – единое, неделимое, вечное, неизменное. Т.е. дело в том, что есть лишь то, что не может не быть, а всё, что может не быть, не есть в подлинном смысле. Онтологический схематизм здесь заключается в том, что различные единицы сущего упорядочиваются по принципу *восхождения*. В духе: планковская длина, клетка, микроб, орган, человек,

планета Земля, галактика Млечный Путь, видимая Вселенная. А если что-то и есть выше и значительней самой Вселенной, то, конечно же, само Бытие. Оно всё объёмлет, всё в себя погружает и всему даёт существование. Как говорил Ясперс (в этом смысле являющийся парменидовцем), «всё, что становится для меня предметом, выступает ко мне из Объёмлющего, и я как субъект исхожу из него» [11, с. 31]. Причём «Объёмлющее само не выступает к нам, но всё другое показывается нам в нём» [11, с. 32]. И насколько огромное, значительное и непостижимое сущее мы бы не вообразили, всегда будет то, что и его сможет объять, само оставаясь необъятным. В этом смысле всё, что, как нам кажется, есть (деревья, дома, животные, планеты, микробы) – это лишь часть того необъятного Целого, которое только и есть в подлинном смысле этого слова (в отличие от тех же деревьев, микробов и планет).

Второй тип – атомистический. Как и в предыдущем типе ответа, подлинным бытием здесь также обладает лишь то, что не может не быть (т.е. нечто вечное, единое, неделимое, неизменное). Правда, в случае атомистики это не то, что всё покрывает, но то, что лежит в основе всего. Т.е. здесь онтологический схематизм заключается в том, что различные единицы сущего упорядочиваются по принципу *нисхождения*. В духе: видимая Вселенная, планета Земля, человек, микроб, планковская длина. А что ещё ниже и фундаментальней? Конечно же, то, из чего всё состоит, и к чему вообще всё может быть сведено. В этом смысле всё оказывается объединённым и единым не потому, что есть что-то, что всё объёмлет, но потому, что всё (насколько бы оно друг от друга при этом не отличалось) состоит из одних и тех же фундаментальных частиц. Атомистическим в этом смысле является любой редуктивный объяснительный проект (например, тот же физикализм). Как замечает Богост, согласно такому представлению «мир составляет сумму множеств наиболее фундаментальных, наиболее мелких вещей и частей, а по-настоящему реальное состоит из самых фундаментальных. Вещи состоят из частей, части состоят из элементов, элементы состоят из атомов, атомы – из протонов, адроны – из кварков и т.д.» [12, с. 89]. Таким образом, всё, что, как нам кажется, есть (человек, насекомое, галактика, Солнце), является некоторым целым, которое всегда состоит из фундаментальных Частей, которые только и обладают подлинным бытием (в отличие от того же Солнца или насекомого).

Третий тип – корреляционистский (известный нам по его антропоцентристской версии). И если первые два ответа являлись просто аль-

тернативными по отношению друг к другу (более того, оба они являлись догматическими по своей сути), то третий обращает внимание уже на то, что как в процессе восхождения, так и в процессе нисхождения, должен присутствовать тот, кто восходит или нисходит (т.е. это уже не догматический, но критический ответ). Поэтому если первый тип ответа устанавливал предел наверху, а второй – внизу, то третий, отказываясь от пределов, исходит из точки отсчета, середины, или *центра*. Нам – людям – эта середина известна как человек. И если для первого ответа человек – это часть фундаментального Целого, а для второго – целое, состоящее из фундаментальных Частей, то для третьего – это сам Фундамент. Нет никакого верха и низа самих по себе, они есть лишь потому, что есть человек, относительно которого верх и низ полагается. В этом смысле именно человек и есть то, что есть в подлинном смысле. А значит, особенность третьего онтологического схематизма заключается в наличии принципиальной асимметрии между мыслящим существом и тем, что оно мыслит (иными словами, мир распадается на два несводимых друг к другу порядка, таких, к примеру, как субъективное и объективное, мыслящее и протяженное, человеческое и не-человеческое, культурное и природное). Однако проблема здесь заключается в том, что становится неочевидным и проблематичным статус всего того, что мыслится с трудом или вообще не может быть помыслено человеком. Именно поэтому радикальной версией третьего типа ответа как раз и является солипсизм. Так как если всё, что есть, есть лишь относительно человека, то всё, что человеку недоступно, в общем-то, и не есть вовсе.

Таким образом, с точки зрения первого схематизма, в подлинном смысле есть только само бытие, всё остальное если и есть, то не в подлинном смысле; с точки зрения второго – в подлинном смысле есть только фундаментальные частицы, из которых всё состоит, всё остальное если и есть, то не в подлинном смысле; с точки зрения третьего – в подлинном смысле есть только человек (ну или только то, в чём он может удостовериться), всё остальное если и есть, то не в подлинном смысле. Общим для всех этих схематизмов является то, что все они полагают принципиальную асимметрию между тем, что есть в подлинном смысле, и тем, что в подлинном смысле не есть. Все они полагают так или иначе выстроенную вертикаль, которая упорядочивает всякое сущее в зависимости от его причастности к тому сверх-сущему, которое только и существует в полной мере (объемлющее, атомы, человек). Но действительно ли это сверх-сущее есть?

Плоская онтология как четвертый онтологический схематизм

Современный – четвертый – тип ответа на вопрос «что есть?» исходит из проблематичности трёх предыдущих типов. Таким образом, в его рамках 1) *не может быть никакого верхнего предела*, т.е. никакого супер-объекта, который возвышается над всем, всё объемлет, тем самым лишая любой другой объект его автономии, 2) *не может быть никакого нижнего предела*, т.е. никакого супер-объекта, который лежит в основании всего, всё подпирает, тем самым лишая любой другой объект его автономии, 3) *не может быть никакой исключительной середины*, т.е. никакого супер-объекта, по отношению к которому любой другой возможный объект только и может получить статус существующего, тем самым лишаясь собственной автономии. Из этого следует, что каждый объект, каждая единица сущего сама себя определяет, все объекты независимы по отношению друг к другу и равнозначны с онтологической точки зрения. Т.е. хотя все объекты и различны, различны они лишь онтически, онтологически же они равны (Брайнт называет эту ситуацию *демократией объектов*). Иными словами, будучи объектами, все они разные, и тем не менее, *все они объекты*, а значит, равны (в этом смысле тот же субъект – это просто особый тип объектов, не более).

Но если нет никакого принципа, согласно которому упорядочиваются все единицы сущего (нет больше ни восхождения, ни нисхождения, ни середины), то что, в итоге, остается? Остаётся только одно – *плоскость, горизонталь*. Именно поэтому *плоская онтология* – это и есть имя четвертого онтологического схематизма. Иными словами, человек, микроб и галактика – это три равнозначных объекта, которые вполне могут занять места рядом друг с другом, на одной плоскости. И если первые два типа ответа исходили из вертикальности бытия сущего, а третий тип обращал внимание на то, что эта вертикаль должна быть выстроена и, более того, выстраивается из середины (которая как раз и полагает верх и низ), то только четвертый тип как раз и признаёт, что не только человек, но каждый объект занимает срединное положение и относительно себя выстраивает свою собственную вертикаль. Т.е. вертикаль выстраивается самими объектами, вертикаль феноменальна для них. С перспективы же бытия объектов никакой вертикали не существует, есть только горизонталь, на которой все эти объекты располагаются. Как говорит Тимоти Мортон, «если я сорву с дерева лист, лес по-прежнему останется лесом. Если про-

должать обрывать листья, затем взяться за ветки, а потом перейти к деревьям, то, следуя этой логике, лес так и будет оставаться лесом, даже если в нём в конце концов не останется ни одного дерева. Из этого легко сделать неверный вывод, что леса не существует. Однако мы знаем, что лес – это определённый объект. Или наоборот – можно посадить одно дерево и совершенно справедливо заявить, что оно не является лесом. Можно продолжить и посадить на этой территории многие тысячи деревьев, но, по той же логике, они так и не станут лесом» [13, с. 24]. О том же говорит и Аннемари Мол: «...артерия, на которой проводится операция, не обязательно меньше оперируемого пациента, так же как не обязательно, что находится внутри него. Артерия может быть больше в том смысле, что она получает больше внимания в ходе операции, чем пациент... Пациент – это тот, с кем врач в другой момент можем обменяться шутками. Тот, у кого где-то, возможно, есть жена, которая ждёт звонка. Две реальности, реальность артерии и реальность пациента, не включают в себя друг друга, они, скорее, находятся *бок о бок*... Артерия и человек размещаются *рядом* друг с другом, а не являются частью внутри целого» [7, с. 246]. Т.е. дерево и лес, человек и артерия, солнечная система и планета Земля – всё это разные объекты и, будучи объектами, они находятся *рядом* друг с другом, а не вкладываются один в другой (вкладываются они друг в друга лишь онтически, но никак не онтологически).

Для того чтобы более наглядно показать, о чём здесь идёт речь, обратимся к трём вариантам соотношения целого и частей. Первый вариант – *целое равно сумме своих частей* ($abc = a + b + c$). Это – основа механистической онтологии, с которой мог бы согласиться атомист. Ведь для того, чтобы понять и разобраться с целым, его необходимо разобрать на части, а разобравшись с частями, мы как раз и начинаем понимать всё о целом. Второй вариант – *целое больше суммы своих частей* ($abc > a + b + c$). Это – основа онтологии систем, которую поддержал бы Парменид. Здесь основная идея заключается в том, что целое не может быть сведено к своим частям, так как целое обладает такими свойствами, которыми не обладает ни одна часть по отдельности. К примеру, ясно, что человек – это не просто сумма частей-органов, которые можно разложить бок о бок рядом друг с другом. Сами по себе эти органы – это только лишь органы, человек же обладает свойствами, которых в этих органах самих по себе обнаружить не удастся. Наконец, третий вариант – *целое меньше суммы своих частей* ($abc < a + b + c$). Именно это положение и является основой для плоской онтологии. И хотя оно

и может поначалу показаться контр-интуитивным, на деле ничего контр-интуитивного здесь нет. Ведь *целое abc* меньше *суммы* ($a + b + c$) просто потому, что *целое abc*, как и сами a , b и c – это единый автономный объект. И ясно, что один объект не может быть больше или равен сразу трём объектам. Например, человек – это единый автономный объект. Но микроорганизмы, которые населяют его кишечник, это не только части человека, но и самостоятельные объекты, упорствующие в собственном существовании. В этом смысле представитель плоской онтологии вовсе не отрицает положение, что *целое больше суммы своих частей*, он просто дополняет его, говоря, что каждая часть – это тоже целое, а каждое целое – это чья-либо часть. Как говорит Богост, «единица выражает сразу три вещи: с одной стороны, единица изолирована и уникальна. С другой, единица заключает в себе систему – сопоставимую с целой Вселенной. Ещё с другой, единица становится частью другой системы – зачастую множества других» [8, р. 25].

Таким образом, в рамках плоской онтологии каждый объект – это одновременно 1) сам этот объект в его автономии и независимости по отношению к другим объектам, 2) целое, состоящее из частей (других автономных объектов), и 3) часть, из которой состоит какое-то целое (другой автономный объект). А так как целое, состоящее из частей, и части, составляющие целое, онтологически равны (и то, и другое – автономные объекты), то как раз и остаётся одна только плоскость, на которой все эти объекты располагаются. Таким образом, *есть только объекты*. Объекты, но *никаких супер-объектов*. Плоская онтология – это горизонтальная онтология. Её единственный враг – всякая вертикаль, т.е. всё, что вводит принцип ранжирования и иерархии в качестве принципа, в соответствии с которым устроено само бытие (выше-ниже, больше-меньше, центральнее-периферийнее). С точки зрения плоской онтологии, всякий порядок выстраивается конкретно каждым объектом, само же бытие к этим порядкам и иерархиям никакого отношения не имеет. Бытию, можно сказать, всё равно, идёт ли речь о человеке, собаке или таракане. Они равны в своей причастности бытию. А это означает, что «ни один объект, такой как субъект или культура, не является основанием для всех остальных» [14, с. 282].

Главным следствием из этого положения является то, что нет ничего, что связывало бы все объекты друг с другом (кроме самого теоретического положения, что всё это объекты). Объекты сегодня возникают, а завтра могут быть уничтожены. Сегодня их одно число, а завтра их может стать

больше или меньше. В любом случае, *не все объекты связаны со всеми*, каждая связь объектов, во-первых, *локальна* и, во-вторых, *конечна*. Например, когда речь идёт о распространении такого объекта как вирус (допустим, вирус Зика), то нужно понимать, что он оказывается связан с другими объектами только в той мере, в какой он размещается в них или распространяется через них. Но даже если этот вирус заразил бы всё население Земли, он всё равно бы не был связан с огромнейшим множеством объектов (например, другие планеты и существа их населяющие, небесные тела, галактики, солнечные системы, объекты неживой природы). В этом смысле если мы хотим разобраться в связях объектов, то мы должны следовать за ними, смотреть в какие конкретные связи и альянсы они вступают, кто и что для них существует, а кто и что – нет. Как говорит Латур, «следуйте за акторами» – гласит лозунг нашей социологии» [15, с. 190]. Причём именно этот лозунг и вынуждает Латура заявить, что нет такого объекта как общество. Ведь общество – это также супер-объект, т.е. такой объект, который подминает под себя всё остальное, связывает всё со всем, превращаясь в универсальный объяснительный принцип (почему всё так, а не иначе? Всё очень просто: *так устроено общество*). Как говорит Латур, «общество» составлено, сконструировано, собрано, устроено, слепо и смонтировано. Оно больше не может рассматриваться как скрытый источник причинности, который якобы следует привлечь для того, чтобы объяснить существование и устойчивость какого-то другого действия или поведения» [5, с. 349-350]. Аналогичным образом Мортон отвергает существование природы. Как говорит Мортон, «чтобы достичь полной экологической сознательности, нам необходимо отказаться от термина “Природа”, который я пишу с заглавной буквы, дабы подчеркнуть “ненатуральность”, искусственность этого понятия. Я нигде не сталкиваюсь с Природой в моём феноменальном опыте. Я вижу кроликов, наблюдаю грозы, слышу, как мяукают кошки... Понятие Природы имеет смысл, когда оно является нормативным, а эта нормативность основывается на разнице между Природой и Не-природой. Если я не могу заранее решить, что включить в перечень, так как перечень всех предметов есть абсолютно

всё, то Природа как понятие становится совершенно бесполезной» [13, с. 23].

Заключение

Таким образом, плоская онтология возникла за счёт отказа от тех допущений, которые лежали в основании трёх предыдущих онтологических схематизмов (парменидовского восхождения, демокритовского нисхождения и кантовской середины). И действительно, несмотря на все различия между ними, все они исходили из вертикального устройства бытия сущего. Иерархия и упорядоченность оказывалась атрибутом самого бытия. И каждый раз это бытие как-то всё расставляло по своим местам. Так, в первом случае человек оказывался частью фундаментального Целого, во втором – целым, состоящим из фундаментальных Частей, а в третьем – самим Фундаментом. Бытие (в смысле сверх-Сущего), атомы и человек – вот что было мерой всех вещей в каждом из этих трёх случаев; всё мерилось относительно них, сами же они измерению не поддавались. Эта онтологическая асимметрия и стала поводом для построения нового типа онтологий, которые отныне заявляются как плоские (горизонтальные) и симметричные. Тот же человек в рамках плоской онтологии – это просто объект, наряду с множеством других объектов (планетами, галактиками, насекомыми, микроорганизмами), онтологически не хуже и не лучше всех остальных. Конечно, это особенный, уникальный объект. Но дело в том, что каждый объект уникален (и камень, и таракан, и компьютер). Конечно, этот объект ведёт себя не так, как другие, к примеру, он, в отличие от других, познаёт мир. Но дело в том, что все объекты ведут себя по-разному, и едва ли их онтологическое достоинство умалется от того, что они не связаны с миром посредством познания (ведь они связаны с ним по-своему, не так, как люди). Таким образом, плоская онтология ставит своей задачей помыслить бытие, которое не имеет никакого отношения к иерархиям и вертикали. Всякая иерархия создаётся объектами: для людей она одна, для не-людей – другая. Само же бытие не-иерархично, оно совершенно нейтрально ко всякому сущему. Ведь всё, что есть, одинаково причастно бытию.

Список литературы:

1. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London, NY, 2002. 252 p.
2. Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Melbourne, 2011. 440 p.
3. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь, 2015. 152 с.
4. Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne, 2009. 258 p.

5. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: Сб. ст. М., 2006. 392 с.
6. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. 352 с.
7. Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232-247.
8. Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing. Minneapolis, London, 2012. 168 p.
9. Bryant L. Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media. Edinburgh, 2014. 300 p.
10. Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality. Ann Arbor, 2013. 232 p.
11. Ясперс К. Введение в философию. Мн., 2000. 192 с.
12. Богост Я. Бардак в видеоиграх // Логос. 2015. № 1 (103). С. 79-99.
13. Мортон Т. Экология без природы // Художественный журнал. 2016. № 96. С. 22-31.
14. Брайт Л. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. 2014. № 4 (100). С. 275-292.
15. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей: Сб. ст. М., 2006. 392 с.

References (transliterated):

1. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London, NY, 2002. 252 p.
2. Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Melbourne, 2011. 440 p.
3. Kharman G. Chetveroyakii ob'ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera. Perm', 2015. 152 s.
4. Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne, 2009. 258 p.
5. Latur B. Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyi vklad «issledovani nauki» v obshchestvennye nauki // Sotsiologiya veshchei: Sb. st. M., 2006. 392 s.
6. Lo Dzh. Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka. M., 2015. 352 s.
7. Mol A. Mnozhestvennoe telo // Sotsiologiya vlasti. 2015. № 1. S. 232-247.
8. Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing. Minneapolis, London, 2012. 168 p.
9. Bryant L. Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media. Edinburgh, 2014. 300 p.
10. Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality. Ann Arbor, 2013. 232 p.
11. Yaspers K. Vvedenie v filosofiyu. Mn., 2000. 192 s.
12. Bogost Ya. Bardak v videoigrakh // Logos. 2015. № 1 (103). S. 79-99.
13. Morton T. Ekologiya bez prirody // Khudozhestvennyi zhurnal. 2016. № 96. S. 22-31.
14. Braint L. Na puti k okonchatel'nomu osvobozhdeniyu ob"ekta ot sub"ekta // Logos. 2014. № 4 (100). S. 275-292.
15. Latur B. Ob interob"ektivnosti // Sotsiologiya veshchei: Sb. st. M., 2006. 392 s.